В большой усадьбе даже два десятка пони могли запросто не встретить друг друга целый день.

Но вечеринка, устроенная в честь гостей, собрала в обеденном зале всех. Даже Трикси, которая хотела с привычным пафосом отказаться от участия, после минутного разговора с Пинки Пай согласилась на «кусочек пирога и стакан пунша».

Лира была совсем не удивлена, увидев и здесь Винил Скретч, стоявшую за неизменным пультом. Сияние её рога будто вплеталось в общую иллюминацию вечеринки.

Правда, музыка пока играла не слишком громко. Здешняя Винил носила бандану и чёрную толстовку с логотипом группы, название которой ничего не говорило Лире. На драных джинсах тоже были какие-то эмблемы, и вообще вид у диджея был лихой, особенно в неизменных очках. Как всегда, в общем.

Привлёк внимание полукруглый медальон, свободно болтающийся на шее единорожки. Лира готова была поклясться, что уже видела такой раньше, но никак не могла вспомнить, где.

С Лирой все здоровались так, будто она долго отсутствовала и, наконец, вернулась в большую семью.

Единорожка с облегчением видела, что Скуталу теперь не отлепить от Рейнбоу Дэш Агилар. Та, в окружении Меткоискателей, что-то возбуждённо рассказывала, повиснув в воздухе. В лице жеребят, и особенно Скуталу, голубая пегаска явно нашла благодарных слушателей.

Берри Панч хлопотала у стола, разливая пунш, но раздражающего запаха алкоголя не было. Как Лире уже успела рассказать Бон-Бон, «ягодная пони», несколько раз допившись до белой горячки, наглухо завязала. И с некоторых пор ко всеобщему облегчению не брала в рот ни капли спиртного. Едва не спившись на пару с хозяином-алкоголиком, Берри теперь находила занятие в выращивании ягод и фруктов, из которых делала умопомрачительно вкусные коктейли — без единого градуса.

Что ж, трудотерапия и дружеская поддержка оказались самым лучшим оружием в борьбе против зелёного змия и приступов белой горячки.

Казалось, все вернулись в Эквестрию. Обстановка, весёлый смех и разговоры так напомнили Лире дом, что захотелось снова обнять Бон-Бон и облегчённо разреветься, чувствуя, как с сердца скатывается груз забот и печалей.

Только Пинки Пай хоть и немного, но отличалась. Её мордочку пересекал короткий вертикальный шрам сверху и снизу левого глаза. Когда Лира спросила о нём, розовая пони улыбнулась и ответила:

— Когда мне было очень-очень грустно, я очень-очень сильно плакала… Это след на память,

который позволяет помнить ценность улыбок. Я попросила Стиви и сестру Редхарт не убирать его.

— Пинки, я слышала, что… — хотела продолжить расспросы единорожка, но розовое копытце аккуратно легло ей на губы.

— Тс-с-с, глупенькая, это вечеринка в вашу честь, и на ней нет места грустным мыслям, — наставительно произнесла Пинки и весело упрыгала.

Лира ещё подумала тогда, показалась ли ей в голубых глазах весёлой пони грустная-прегрустная искорка?

Размышления единорожки прервал сильный толчок под круп. Лира самым несолидным образом пискнула от неожиданности и чуть не налетела на заставленный сладостями стол.

Оглянувшись, Лира встретилась с взглядом косящих жёлтых глаз.

— Прости… я не знаю, что пошло не так! — сказала Дитзи Ду, — Ты не ушиблась? Меня зовут Дитзи, а тебя?..

— Не ушиблась, — заулыбалась единорожка, — Я Лира. И я тебя знаю.

Серая пегаска подпрыгнула и зависла в воздухе вниз головой.

— Бон-Бон рассказывала про тебя! Так здорово, когда особенные друзья встречаются после долгой разлуки!

— Мы не… — начала было единорожка, но желтогривая пегасочка уже взлетела к самому потолку от переизбытка чувств.

Лира улыбнулась. Вокруг были такие родные и знакомые мордочки, что единорожка напрочь забыла о том, что находится в другом мире. Даже присутствующие на вечеринке Виктор и Стивен казались гостями в мире пони, а не наоборот.

Взгляд скользнул по двум мышам, что сидели на столе и о чём-то беседовали со стеснительной фестралочкой Грей Маус. Та, смущённо улыбаясь и трогательно краснея, расспрашивала сидящих рядом и держащихся за руки маленьких друзей. Те отвечали, зачастую сопровождая ответы искренним, беззлобным смехом — тем самым, который привыкли слышать с экранов дети…

И глядя на других пони, Лиру переполняли чувства покоя и веры в лучшее. Такие знакомые по Эквестрии и как будто забытые за те несколько дней, что пони провела в мире людей.

Пинки Пай расстаралась для всех. Казалось, она была в нескольких местах одновременно. Впрочем, как и всегда.

«Это просто Пинки Пай», — сказала бы Твайлайт Спаркл и вообще любой житель Понивиля.

Розовая пони увлекла в танец Флаттершай, что до того робко жалась к чёрному Тандерлейну, затем стала катать на спине Свити Бель, которую не покидали мысли о лежащей в лазарете Рэрити.

И хотя жёлтая пегаска потом вернулась к своему защитнику, из её глаз пропало выражение, присущее затравленным зверькам из «Пони-Плея». Свити Бель всё же отвлеклась и начала веселиться вместе со всеми, поверив, наконец, в то, что сестре ничего не угрожает.

И всё-таки эта вечеринка сильно отличалась от тех, что были в «Маяке» и «Пони-Плее». И если в первом пони были беззаботны, а во втором — порабощены, то здесь…

Лира решила, что здесь пони одолевает множество тревог, но при этом в сердцах их царит надежда, объединяющая всех.

— Стив! — вдруг крикнула розовая пони, подбегая к человеку, что сидел за столом рядом с Шайнинг Армором и Твайлайт, о чём-то вполголоса переговариваясь.

Тут же сидел и Вик, на лице которого Лира читала беспокойство. Но именно здесь и сейчас единорожка была уверена, что всё будет хорошо. Обойдётся как-нибудь. Обязательно.

— Да, Пинки? — отозвался тем временем Стивен.

— У нас новые пони на ранчо! Ты помнишь, что это значит? — напористо спросила Пинки Пай и сощурила глаз.

Пони нетерпеливо подпрыгивала на месте. Стивен по-отечески улыбнулся и встал, провожаемый взглядом Виктора.

— Что происходит? — спросила Лира у Бон-Бон, что спокойно сидела рядом с понячьим столом и отдавала должное ужину.

— Пинки Пай и Стивен будут петь, — ответила карамельная земнопони, орудуя ложкой, затем добавила: — Ту песню, что навсегда объединила нас.

Лира улыбнулась. Это было понятно и привычно.

Пони в Эквестрии любили петь, и сам мир звучал волшебной музыкой вместе с ними.

И хотя в мире людей это наверняка было всего лишь традицией, встретить нечто подобное Лира даже не надеялась.

Стивен и Пинки Пай взошли на небольшую сцену, что возвышалась рядом с пультом ди-джея. Та подняла передние ноги, и вспыхнувшие голограммы будто бы перенесли всех присутствующих на зелёное поле под пронзительно-голубым куполом небес с редкими облаками.

Лира почувствовала, как сердце сжалось.

Солнце выхватило из утреннего тумана далёкие лес и горы, увенчанные белоснежным за́мком. До слуха донеслось пение птиц и шум ветра, бегущего сквозь травостой огромной равнины. Бросив взгляд в сторону, Лира увидела невдалеке островерхие крыши ставшего столь родным Понивиля и почувствовала, как по щеке прокатилась горячая капля.

Дом.

Стол с лежащими и сидящими за ним пони будто перенёсся на цветущий лужок, а Пинки Пай и Стивен теперь стояли на небольшом возвышении, в которое превратилась сцена.

Рог Винил Скретч, пульт которой тоже словно оказался в волшебной стране, вспыхнул. Вновь блеснул в свете ламп начищенной медью полукруг медальона.

Зазвучала добрая и звонкая музыка, какую Лира вполне допускала услышать где-нибудь в Эквестрии, когда чувства переполняют её обитателей.

Пинки Пай, гарцуя на месте в такт мелодии, начала:

— Нет здесь места сожаленью,

Не хандри и не грусти!

Будут новые стремленья!

К счастью новые пути!

Подхватил голос Стивена, низкий и мягкий:

— Не смотри на то, что было.

Всё, что было, то прошло.

К новой жизни, с новой силой

Мы пойдём беде назло!

Пинки прижалась к ноге человека и подняла взгляд повлажневших глаз навстречу Стивену. Очевидно, для розовой пони в песне было куда больше смысла, чем можно подумать с первого взгляда.

Тонкий голос дрогнул, но не сорвался:

— Пусть скорей твою улыбку

Будет видеть целый свет,

На себя ты как накидку

Смех набрось — и горя нет!

Стивен опустился на колено, приобнял пони и дальше голоса зазвучали дуэтом. Низкий голос человека будто подхватил тонкий писк пони и не дал упасть:

— Жизнь чтоб счастьем осветило,

Ты задорно что-то спой.

Силой песни, дружбы силой

Мы дадим печалям бой!

И когда все присутствующие пони вдруг подхватили песню, Лира, раскрыв от удивления рот, почувствовала то же самое, что и в Эквестрии.

Еле ощутимую, но мощную силу единения с другими. Ту, что позволяла пони испокон веков преодолевать любые горести.

Магическую мелодию Гармонии и дружбы, всего мира.

— Ну-ка, с мордочки невзгоды

Ты сотри, отбрось печаль,

И без тени непогоды

В будущего глянь-ка даль!

Пони повторили последний куплет несколько раз, и Лира совсем не удивилась, когда поймала себя на том, что подпевает.

С последним звуком песни голограммы Эквестрии погасли, но пони оживились даже больше обычного.

Отступили прочь беспокойство и тревоги. И даже тихоня-Флаттершай перестала испуганно жаться к могучему вороному пегасу, который как будто не находил себе места от бессилия помочь…

…Когда всё угощение было съедено, все игры сыграны по нескольку раз, а пони уже буквально валились с ног, Лиру вдруг осенило. Она хотела было обратиться к ди-джею, но вспомнив, к

чему привело излишнее любопытство со Скуталу и Трикси, удержалась от подобного шага. Не хватало разбередить ещё одну душевную рану.

Вместо этого Лира отозвала в сторонку Стивена и спросила:

— Стив, скажи, а откуда у Винил тот медальон?

Человек слегка удивился, но не подал виду.

— Это… Очень личное для неё. Когда я её нашёл, медальон уже был на шее. А почему ты спрашиваешь?

— Пожалуйста, расскажи, что он значит. Это важно.

Человек думал несколько секунд, но, глядя в полные тревоги жёлтые глаза, решил, что это и впрямь отнюдь не праздное любопытство.

— Как она объяснила, это был общий медальон с её близкой подругой. Разделённый надвое. Они раньше жили вместе — но потом очутились на улице, и в один из дней Октавия пропала. Скорее всего, её арестовали за просроченный чип. Винил же, которая в то время простудилась, на второй день начала больная бегать и искать подругу, пока не свалилась с температурой прямо в снег. Так бы и замёрзла, если бы не Сноудроп: она сумела услышать из сугроба хрип. Я бы не заметил… Винил боролась за жизнь где-то неделю, а потом мы искали Октавию. Но так и не нашли. Наверняка её после ареста отправили… В общем, вероятнее всего, Октавии Мелоди Уолтер нет в живых. Хоть и с трудом, но Винил это приняла.

— Дело в том, — объяснила Лира, — что пару дней назад я видела в парке Октавию Мелоди с очень похожим медальоном. Я не стала говорить это Винил, потому что если так, она бросится на поиски. А я не знаю даже, в каком из парков всё произошло.

— Спасибо, — понизив голос, сказал Стивен, — Ты поступила абсолютно правильно. Жаль, что ты не знаешь, где именно Октавия теперь…

— Можно спросить у Джерри! — вскинулась единорожка, — Парк, в котором мы впервые встретились, наверняка он как-то называется!

Стивен опустил на колени и приблизил лицо почти вплотную к мордочке пони, отчего та почувствовала цветочный запах одеколона.

— Ты не представляешь, как много ты сейчас сделала для Винил Скретч, — тихо сказал человек, — Мы очень благодарны тебе. Но пока не говори ей. Я сам передам, когда мы будем готовы. А спасибо она тебе потом скажет лично. Договорились?

— Договорились, — улыбнулась Лира, у которой на сердце потеплело, — Ты тоже сделал для нас очень много.

Веселье продолжалось ещё недолго. Пинки не давала всем заскучать до самого конца, но силы не были безграничны ни у кого.

Первыми сдались Меткоискатели, поочерёдно начав клевать носиками. Черили вскоре увела их в сторону спальни, несмотря на вялые протесты — и тоже, видимо, легла отдыхать, потому что в зал так и не вернулась.

Остальные пони также вскоре начали покидать вечеринку. Шайнинг Армор, благодушно улыбаясь, унёс в поле телекинеза уснувшую за столом Твайлайт.

Лира никогда бы не подумала, что у Пинки Пай может кончиться энергия. Но под конец, когда оставшиеся пони в зале ненавязчиво запросили пощады, розовая пони спела «завершительную песенку», проводила всех до выхода… после чего просто рухнула на пол без сил. И её нёс в спальню уже Стивен.

* * *

Спальни для пони в усадьбе Стива были двухместные. Не потому что не хватало места — в огромном особняке можно было разместить сотню пони, и те не испытывали бы тесноты.

Но эквестрийские поняши — существа высокосоциальные, и нуждаются в общении. Даже в таком ненавязчивом, как болтовня перед сном.

Правда, в этот вечер все пони после устроенной Пинки Пай вечеринки валились с ног, и разошлись по комнатам раньше обычного.

Лира улыбнулась, вспомнив розовую пони, что неугомонным моторчиком прыгала по залу, не давая никому заскучать.

Мятная единорожка тряхнула гривой и сладко зевнула. Этот вечер вымотал всех: появление Рэрити, рассказ Скуталу, разудалая вечеринка… все дела было решено отложить на завтра. Тем более, по крыше дома начал барабанить настоящий ливень, а налетевший штормовой ветер и вовсе отбил всякую охоту выползать на улицу.

Но всё же, сперва следовало кое-что уточнить.

Копытце постучало в дверь комнаты, где поселили Джерри и Гайку. В ней уже была заботливо вырезана крошечная полукруглая дверца «для мышки», выглядящая совсем по-мультяшному. Довольно долго никто не отвечал, и Лира уже подумывала, что надо или уходить, или стучать снова. Но дверца приоткрылась, и на пороге появился Джерри в накинутом на плечи махровом халате по размеру.

— Лира?.. Слушай, сейчас… — мыш оглянулся в комнату, — не слишком подходящее время. Что-то случилось?

Единорожка немного смутилась.

— Прости, — сказала она, — Я на минутку. Просто хотела сказать, что знаю, откуда у Скуталу шрамы.

Мыш вздрогнул и запахнул халат поплотнее.

— Ты с ума сошла, расспрашивать её о таком?! Я же просил!

Лира смущённо опустила мордочку.

— Прости, — сказала она, — это случайно получилось… Ты же видел, что у Стивена тоже живёт Рейнбоу Дэш… Так вот, я решила сделать малышке сюрприз и привела Рейнбоу познакомиться…

Джерри выругался.

— Да, но я же не знала! — шмыгнула носом единорожка, — Но к счастью, всё обошлось. Скуталу даже… обрадовалась в конце, когда встретила именно ту Рейнбоу, которую искала.

— Могу себе представить, что было, когда Скут рассказывала свою историю, — буркнул Джерри, — Она в порядке?

— Даже более чем, — Лира вновь подняла взгляд, — Скажи… это ведь ты её спас тогда, да? Как?

Мыш не стал отпираться:

— Дело было зимой. Я залез в «Пони-Плей» погреться — безо всякой задней мысли, там просто была открыта форточка цокольного этажа. А потом увидел, как та психопатка с радужной гривой избивала Скут. Почти весь день, прерываясь только на то, чтобы куда-то ненадолго отойти. Как впоследствии оказалось — на арену, подраться. К вечеру ёрзик и получила все свои шрамы. Она как-то потом рассказывала, что раньше были только копыта и ремень, а они

хоть и оставляют следы, но не рассекают мясо до костей. И как только Скут осталась одна, я перегрыз ошейник. Но сложнее всего было даже не перегрызть, а вообще заставить её двигаться — она обессилела и не хотела жить…

…По спине и крупу жидким огнём разливается рвущая боль. По бокам стекает что-то горячее и липкое, а рядом лежат голубые и рыжие пёрышки… Рыжих больше.

Голос, прорывающийся сквозь чёрную пелену, принадлежит мультяшному мышу, стоящему на задних лапах.

— Давай, нам надо бежать! — различает Скуталу слова.

— Заче-ем… — безучастно лепечет она и удивляется, как хрипло звучит голос.

— Чтобы прекратить эти издевательства.

— Вся моя жизнь — издевательство, у-у-у-у… — стонет пегасенка, — Оставьте меня в покое все… Дайте сдо-о-охнуть…

Джерри стискивает зубы и с трудом приподнимает переднюю ногу Скуталу. Довести ребёнка до нежелания жить — этого мыш не мог ни простить, ни принять.

В голове молнией проносится картинка: синий кот поднимает окровавленную морду и одними губами шепчет: «Не бросай друзей в беде, Джерри».

Издав сдавленное рычение, мыш сдвигает одну ногу маленькой пони и идёт ко второй.

— Что ты делаешь… — спрашивает Скуталу, приоткрыв глаз.

— Вытаскиваю тебя отсюда, — говорит Джерри, — Давай, поднимай свой ленивый круп и тащи его к окну!

— Ошейник…

Джерри перебивает:

— Нету больше. Давай, шевелись. Чёрт его знает, сколько ещё у нас времени до прихода этой маньячки!

Пегасенка нетвёрдо встаёт на дрожащие ноги и ковыляет к столу Рейнбоу. Вспрыгивает на табурет, потом на сам стол — и с какой-то злорадной решимостью сталкивает на пол флаконы, инструменты и плюшевую игрушку Спитфаер. Ещё прыжок — и пленница в шаге от свободы.

Мыш цепляется за гриву, свалявшуюся от пота и крови, и, стараясь не коснуться окровавленной спинки пони, ободряюще гладит рыжую шею.

— Давай, малышка, — шепчет он, на что кобылка только фыркает, — ещё немножко…

Скуталу, стоя на подоконнике, успевает краем уха услышать приглушённый дверью злобный голос Рейнбоу Дэш Вендар, вернувшейся подозрительно быстро:

— …Где там эта рыжая малявка? Хочу кого-нибудь пнуть!

Дожидаться ответа и тем более саму пегаску Скуталу не собирается. Морщась от боли, она расправляет куцые крылышки и прыгает вниз на сваленные под окнами мусорные мешки, чувствуя судорожно вцепившиеся в гриву лапки своего спасителя. Сейчас это не имеет никакого значения…

— Джерри, — прервала рассказ Лира, — Я хотела сказать тебе спасибо. Без тебя Скуталу бы пропала…

— На здоровье, — буркнул мыш, — это не могло потерпеть до завтра?

— Не могло, — твёрдо сказала единорожка и, наклонившись, поцеловала Джерри между ушей, — Ты спас ей не только жизнь. Подумать страшно, что могло получиться из Скут, если бы она выжила, оставшись пленницей.

Мыш встретился глазами с пони и сказал:

— Спокойной ночи, Лира Харстрингс.

С этими словами он закрыл дверь, а мятная единорожка направилась в комнату, которую временно делила с Бон-Бон. Прошлая соседка, Дитзи Ду, временно переехала к Черили, не слушая никаких возражений.

Конфетной пони не оставалось ничего, кроме как согласиться, и сейчас она ждала подругу, чтобы лечь, наконец, спать.

Хотя как знать, может, не сразу?

Хихикнув и покраснев, Лира направилась к себе. Бон-Бон пообещала, что обязательно дождётся…

И хотя следующий день обещал быть весьма насыщенным, в душе поняши поднималось желание устроить какую-нибудь выходку, на которую так и не решилась в Эквестрии… Или в сериале?

«Впрочем, для меня никакой разницы», — подумала единорожка, с трепещущим сердцем открывая дверь спальни.

* * *

Наверху особняка, в рабочем кабинете Стивена Агилара, тоже состоялся разговор.

Виктор, разумеется, знал, что многие перестраивают классический кабинет в киберцентр. Стивен был как раз из таких. Панели мощных компьютеров мигали огнями со стены, вместо окна красовался панорамный экран, сейчас дававший живописный вид на Белый город. Очевидно, запись: на небе не было ни облачка, хотя Вик доподлинно знал, что снаружи бушует настоящий шторм.

Стивен Агилар, взмахом руки убравший с экранов все изображения, сел в крутящееся кресло, повернулся к Виктору и сказал:

— Вик. Когда у вас всё закончится, пообещай, что приведёшь Скуталу сюда.

Он жестом пригласил друга сесть напротив. Едва тот опустился за стол, из стены выехал дроид-официант с подносом кофе, но люди отмахнулись от него, и умная автоматика убрала робота обратно в нишу.

— Обещаю, — кивнул Виктор, — Лучшего дома для неё не найти… Ты ведь разрешишь остаться Джерри?

Стивен улыбнулся:

— Разумеется. Маленький мыш не объест нашу большую дружную семью.

Парень вдруг вспомнил о Гайке и уточнил:

— А два мыша? Если она захочет, конечно.

Стивен рассмеялся:

— Хоть десяток, — ответил он, но его лицо вдруг стало серьёзным, — Вик, что бы вы ни решили делать с «Ключом», не рискуйте понапрасну. По крайней мере, жизнью жеребёнка. Она и без того, похоже, пережила слишком много.

Виктор развёл руками:

— Я бы с удовольствием оставил её у тебя. Но ведь она ни за что не согласится.

— Насчёт этого не волнуйся. Рейнбоу придумала, как её удержать…

Стивен заметил, что Виктор задумался над каким-то вопросом, явно не решаясь задать его.

— Давай, спроси, — подбодрил Стив, вновь улыбнувшись, — Если это не слишком личное, отвечу честно.

— Скажи, что будет, если ты встретишь пони, которая у тебя уже… есть? Скажем, вторую Твайлайт Спаркл?

Брови Стивена удивлённо поднялись.

— Какое это имеет значение? — спросил он.

— Все думают, что ты просто коллекционируешь пони.

— Это не так. Этим, Вик, занимается твой тёзка с Норд-Сайд. Но надо и ему отдать должное — его пони предоставлены сами себе. За исключением тех моментов, когда он их демонстрирует. Не самая лучшая судьба для поняш, но и далеко не самая худшая.

— Ты говорил, у твоих пони тоже истории те ещё.

Стивен кивнул:

— Кого-то бросили… Кого-то били и мучали, пока я не наткнулся на них и не выкупил у хозяина. Как это было с той же Грей Маус. Или с Рэрити. А насчёт двойников… У меня была

другая Рейнбоу Дэш. Ты же знаешь, это самая популярная модель. Их больше, чем кого-либо ещё — и, стало быть, в отчаянном положении они также оказываются чаще всего.

— Была?

— Была. Её кто-то избил и выкинул на улицу. Я её обнаружил чуть живой и притащил в ближайшую больницу…

Вика пронзило пониманием случившегося дальше.

— Она скончалась у меня на руках, — сказал Стивен, — от внутренних повреждений. Не знаю, что за выродок так с ней обошёлся, но пегаска выглядела так, будто ею выстрелили из пушки в стену. В госпитале мне оставалось только оплатить кремацию. Правда, именно там я встретил сестру Редхарт, которая согласилась поехать со мной. Как показал этот случай с Дэш, мне нужен был понячий медик на постоянной основе.

— И как тебе удаётся… — начал было Виктор, но Стивен перебил:

— Помнишь историю Сноудроп? Когда я остался один, то кутил напропалую, заставляя папаню вращаться в гробу наподобие вентилятора. Прогулял половину состояния, наверное. А потом — инсульт. В двадцать семь лет. Из-за выпивки, наркоты и прочего. К счастью, я смог себе позволить лечение нанитами, иначе сейчас бы тут не сидел. И вот, когда я возвращался из больницы, я встретил Сноудроп. Вот и подумал потом — а на что я трачу свою жизнь? Все эти деньги — мне стены ими обклеивать, что ли? Семьи у меня нет и вряд ли будет — не тот я человек, чтобы с другими людьми долго уживаться. После лечения у меня красная репродуктивная карта. Так называемые друзья… ну ты помнишь, я рассказывал. А вот с пони — получается… Так и зажили.

— Стивен, тебя все в клубе считают психом. Девятнадцать пони — кажется, ни у кого столько нет.

Стивен пожал плечами:

— Собака лает, караван идёт. И недавно пони стало двадцать, если помнишь. А если останется Скуталу, будет двадцать одна.

— Почему тогда только двадцать? — спросил Виктор.

— Я не заказывал этих бедняг специально, как считают в клубе, для «коллекции». Мне просто иногда везёт оказаться в нужном месте и в нужное время, чтобы спасти несчастных от их печальной доли.

— Не можешь пройти мимо?

— А ты бы смог, Вик? Ты знаешь, что такое «синдром Пинкамины», когда у Пинки случается сбой программы? Никому не пожелаешь заглянуть в глаза брошенной Пинки Пай…

Виктор вспомнил прыгучий розовый комочек, от которого рябило в глазах всю вечеринку, и спросил:

— Но ты заглянул?

— Да. Но ты не представляешь, чего стоило мне, а также ещё пятерым пони, которые к тому времени жили у меня, вернуть в мир это жизнерадостное и вечно прыгающее существо, — Стивен покачал головой и продолжил: — Почему двадцать… Двадцать жизненных трагедий, частью которых мне приходится становиться, чтобы в этих цветных глазищах вновь загоралась жизнь. Чтобы уходили прочь отчаяние и боль… двадцать… Иногда я не знаю, надолго ли меня ещё хватит. Но когда возвращаюсь сюда и вижу их… спокойных, играющих, смеющихся… Я понимаю, что всё это — не зря. И я не могу, не имею права сломаться. Ради них. Но я тоже не железный и не вечный. Случись что со мной — и все эти пони снова окажутся в беде.

— Судя по всему, Скуталу тоже несладко пришлось.

— Когда я впервые увидел эту малышку, я понял, что она всю жизнь убегает от собственного страха. Она этого, конечно, не показывает. И ей сказочно повезло, что рядом оказался этот мыш. Сейчас, когда она встретила старых друзей и Рейнбоу Дэш, она смогла, наконец, взглянуть страху в лицо. К счастью, она ещё в Эквестрии научилась это делать.

Виктор вздохнул и всё же решился на вопрос, который постеснялся задать другу даже в сети:

— Давно хотел спросить. Почему пони, Стив? Почему не другие синтеты? Не люди? Не дети-сироты, например?

Но собеседнику явно не впервой приходилось отвечать на этот вопрос:

— Всё дело в том, какими они были созданы изначально. Те же покемоны, которые сейчас на пике популярности, по сути, лишь немного умнее животных и, как правило, кроме десятка фраз, даже слов-то не знают. Неко-рабы и гуманоидные синтеты — это просто-напросто люди, со всеми вытекающими. А пони… Погляди на них, Вик. Величайшей подлостью было создать существ с наивным и невинным взглядом на мир, столь открытых и добрых, и бросить их в наше общество. Они такое заслужили в наименьшей степени, чем кто бы то ни было… Именно поэтому у меня и в мыслях не было заказывать себе синтетов или использовать их так, как это делают некоторые, с позволения сказать, люди. Но потом я наткнулся на Сноудроп, которая пыталась согреться в прогоревшем одеяле… остальное ты знаешь.

— Ты так и не сказал, почему именно они.

— А ты разве не почувствовал это? — Стивен подмигнул.

Виктор улыбнулся и развёл руками.

Конечно же, он чувствовал. И конечно, друг об этом давно догадался.

— Теперь спрошу я, — сказал Стивен, — А что значит Лира для тебя лично? Прямо сейчас?

Вик вздохнул.

Положа руку на сердце, его самого очень волновал этот вопрос.

— Не отвечай, — добавил Стивен, видя замешательство парня, — А когда найдёшь ответ, скажи об этом Лире, а не мне.

* * *

Утром дождь всё ещё хлестал по крыше особняка. По коридору в направлении лазарета шла Скуталу с Джерри, занявшим своё место в гриве. Рядом вышагивала Рейнбоу Дэш Агилар с заговорщицкой улыбкой на мордочке.

— …Вот ведь такая большая, а врачей боишься, — беззлобно подковырнула лазурная пегаска.

— Не боюсь я никого! — Скуталу воинственно расправила крылышки, — Мне просто неуютно. Меня… никогда раньше не смотрел доктор.

— Да, на свалке врачу неоткуда взяться, — подал голос Джерри.

Пегасенка вместо прежних лохмотьев красовалась в синей спортивной форме с жёлтыми зигзагами. Цвета́ «Вондерболтс», разве что одежда была куда свободнее. Кепочка с эмблемой в виде эквестрийского солнца заняла место на голове и снова была повёрнута козырьком назад.

Рейнбоу Дэш понимающе улыбнулась.

— Не боись. Вельвет Ремеди — лучший понячий врач, которого я встречала. Уж я-то знаю. По себе.

Скуталу ничего не ответила, только нашла в себе силы натянуто улыбнуться. Её до сих пор не покидало чувство тревоги при виде Рейнбоу. И хотя разум всё понимал, но душевная рана пока ещё была слишком глубока.

Джерри же по-отечески улыбнулся и потрепал рыжую пони по гриве. Он видел насквозь метания и страхи малышки, но здесь, сейчас, и то и другое постепенно отступало. Не в последнюю очередь, стараниями Рейнбоу Дэш Агилар, что всерьёз решила взять Скуталу «под крыло».

На кушетке рядом с входом они увидели спящую Свити Бель. Маленькая единорожка, очевидно, всё же попыталась сбежать к сестре, но Вельвет Ремеди её не пустила. Как результат — Свити решила взять лазарет в осаду, да так и задремала.

Рейнбоу Дэш только улыбнулась, когда Скуталу, сняв куртку, укрыла подругу. Та, слабо улыбнувшись во сне, завернулась в нагретую теплом пегасенки грубую одежду и снова провалилась в глубокий, спокойный сон.

Дверь кабинета мягко уехала в сторону, и первое, что бросилось в глаза — это лежащая в постели Рэрити. Единорожка лежала на спине, с ног до головы покрытая бинтами и подключённая к какому-то аппарату.

«Наверное, искусственное жизнеобеспечение», — предположила Скуталу.

Сама она таких машин никогда не видела: множество манипуляторов, каких-то трубок и экранов… В общем, непонятная штука.

Когда Рэйнбоу Дэш Вендар избивала малышку до полусмерти, Алекс ограничивался лишь припарками да бинтами. Те заживляли раны, но редко когда снимали боль.

От этих воспоминаний Скуталу в очередной раз пробрал озноб. Особенно при мысли о так называемом «массаже», после которого пегасенка чувствовала себя неимоверно грязной. Особенно если Алекс до того лапал Рейнбоу Дэш.

Вельвет Ремеди, убрав в карман халата квадратик медицинского сканера, спешно задвинула занавеску возле больничной койки Рэрити. Сердито посмотрела на Рэйнбоу Дэш и с нежностью — на Скуталу.

Как ей это удалось одновременно, одной Селестии известно.

— Рэйнбоу Дэш Агилар, ты как всегда не вовремя! — строго сказала доктор, — Мы договаривались на десять часов, а не на восемь.

— И тебе доброго утречка. Чем раньше тем лучше, а, Вельвет?

— Да уж, наглости тебе не занимать, это точно, — единорожка сделала неопределённый жест копытом, — Ладно, заходите, раз пришли. И ни слова Свити Бель о том, в каком состоянии находится Рэрити. Пинки Пай и так стоило немалых трудов сделать так, чтобы эта непоседа не прибегала сюда каждые десять минут и не интересовалась здоровьем своей сестры. Ей нужен покой и ещё раз покой, пока восстановятся силы.

— Да, Пинки у нас молодец, — пробормотала Рейнбоу с натянутой улыбкой, но судя по выражению мордочки, она имела ввиду нечто иное.

— А всё благодаря тебе, Дэш.

Скуталу непонимающе смотрела то на единорожку, то на своего кумира, и тут её осенило.

— Рэйнбоу Дэш, а мне казалось, тебе нравится Соарин! Или Эпплджек?

Шёрстка лазурной пегаски на щеках стала красноватой, и явно не от гнева. Вельвет же приложила копыто ко рту, чтобы не рассмеяться.

— Скут, веди себя прилично! — велел Джерри, дёрнув сиреневую прядь.

— Уж и спросить нельзя, — надулась пегасенка, — Я вообще не знаю, зачем мне этот осмотр. Я прекрасно себя чувствую!

— Думаю, через день-другой можно будет позволить Свити увидеть сестру, — сказала тем временем Вельвет, — Скуталу, передашь ей?

— Обязательно!

Рейнбоу решила сменить тему:

— Вельвет, ты помнишь, о чём мы с тобой говорили?

— Конечно, — единорожка кивнула, — но я ничего не могу сказать без осмотра.

Скуталу невольно сделала шаг назад.

— Что вы задумали? — спросила она, переводя взгляд с одной пони на другую.

Рог Вельвет окутался сиянием, и дверь за спиной маленькой кобылки тихо закрылась.

— Ничего особенного, — успокоила Вельвет, — Позволь я тебя осмотрю, а потом Рейнбоу расскажет всё. Обещаю, никаких уколов и прочего. Договорились?

— Ладно, — сказала Скуталу, опустив уши и опасливо покосившись на ширму, что скрывала койку Рэрити, — Что надо делать?

— Пока — просто раздевайся и ложись вон туда, — попросила доктор.

— Совсем раздеваться? — уточнила пегасенка.

— Кепку можешь оставить, — улыбнулась вороная единорожка, а Рейнбоу хихинула в копытце.

Сама она сегодня ограничилась тяжёлым тренерским жилетом, в кармане которого виднелся секундомер.

К удивлению Джерри, пегасенка не стала протестовать, а послушно выпуталась из просторных футболки и шорт и залезла на смотровой стол. И кстати, бейсболку действительно не сняла.

На ранчо пони носили одежду только когда планировался поход в клуб или ещё куда-то в общество людей. Или же из чисто практических соображений, как и в Эквестрии.

Скуталу же, одеваясь без повода в компании Меткоискателей, в последнее время чувствовала себя белой вороной, хотя ей никто и слова не говорил.

При виде шрамов, покрывающих рыжую шкурку, Вельвет Ремеди не сдержалась:

— Раздолби Селестия… — она перехватила недоуменные взгляды Рейнбоу и Скуталу, — Простите, вырвалось. Нахваталась от Литлпип. А я ведь так надеялась, что Эквестрия осталась позади…

Мордочка Скуталу стала ещё удивленнее:

— Эквестрия же отличное место! Я надеюсь вернуться туда…

— Не для меня, — перебила Вельвет, и голос её приобрёл металлические нотки, — В моей Эквестрии — выжженная пустошь, полная жестокости, насилия и злобы. Когда я проходила через портал, то надеялась больше не увидеть шрамов на жеребятах, никогда… Что ж, зато не потребовалось привыкать. Пони из эквестрийского «Фоллаута» куда легче адаптируются к миру людей.

— Эта Литлпип, что работает у Мистера М, — сказала Скуталу, — тоже говорила, что

Эквестрия превратилась в пустошь…

— Я имела в виду Литлпип из моих воспоминаний, — пояснила Вельвет, — а не эту дрянь, что работает на Мауса. Но да, она тоже имела в виду… Эквестрию будущего. Вероятного. Или, если угодно, просто воспоминания о мире древней книги, за давностью лет ставшей классикой.

Скуталу не решилась спрашивать дальше. Совсем не хотелось знать подробности о другой Эквестрии, совсем не похожей на привычную добрую сказку.

Когда Вельвет начала присоединять шлейфы к охватившему затылок пегасенки обручу нейропрограмматора, той снова стало не по себе, но возражать она не стала. В присутствии Джерри и Рейнбоу не хотелось показывать свой страх. Да и не так уж Скуталу и боялась, положа копыто на сердце…

Закончив приготовления, доктор стала водить над рыжей пони сканером. Мониторы ожили, какие-то данные побежали по экранам — слишком быстро, чтобы можно было прочитать.

— Так, соматика в пределах нормы, — сказала Вельвет через пару минут, — Некоторая нехватка витаминов, недоедание… но это мы поправим. Ничего такого страшного. Джерри, наверное, твоей заслугой можно считать отсутствие паразитов и болезней?

Мыш слегка смутился и сказал:

— Должен же был кто-то позаботиться об этом…

— Спасибо тебе… — единорожка кивнула мышу, и парящий в сиянии магии сканер продолжил выдавать какие-то данные, — Так, нервная система без нарушений, нейровосприимчивость приличная… Хорошо. Загружаем софт тогда.

— Что ты делаешь? — спросила любопытная кобылка.

Ответила ей Рейнбоу Дэш:

— Ну для начала тебе нужно перепрошить чип. Чтобы он и вправду стал зелёным. Для любых сканеров. Когда Лира проснётся, доктор ей сделает то же самое.

— Для начала?

Мордочка Рейнбоу приобрела торжествующее выражение. Она, словно не замечая вопроса Скуталу, обратилась к Вельвет:

— Док, будь добра, как закончишь с меткой, загрузи малышке полётный нейродрайвер.

Скуталу подскочила:

— ЧТО?!

Рейнбоу пояснила:

— Я читала, что есть такая специальная штука, которая программируется через чип и позволяет мозгу управлять крыльями. Мелкая, ты сможешь летать… Не дёргайся с обнимашками, присоски сорвёшь! Потом поблагодаришь.

Со Скуталу разом слетело всё спокойствие:

— Спасибо-спасибо-спасибо-спасибо! Ты самая крутая Рейнбоу Дэш из всех, что я видела!.. Самая настоящая!

В фиолетовых глазах стояли слёзы радости, короткие крылышки трепетали в возбуждении.

Нет ничего прекраснее и желаннее, чем полёт. Любой пегас это подтвердит.

В биослужбе БРТО можно было узнать, что модель «Скуталу» изначально всегда выпускалась с неактивными антигравитаторами, и нейродрайвер прилагался отдельно. Но сама пегасенка не могла о таком и подумать, а прежние хозяева посчитали, что делать живую игрушку ребёнка летающей ни к чему.

То, что это глубоко ранило и без того несчастную поняшу, людей не интересовало.

Дэш снова слегка зарделась и мягко придержала на столе нервно завертевшуюся пегасенку.

Молчавший до сих пор Джерри сказал:

— Ну всё. Конец спокойной жизни. Теперь этот ёрзик будет ещё и летающим… А для меня такого модуля не предусмотрено? Нет? Ладно, всё-таки стоило спросить.

— Должна ли я напомнить, что активация полётных программ и умение летать — это разные вещи? — спросила Вельвет, — Дэш, займись этим, когда мы закончим.

— О чём и речь, док. Пока Скуталу тут — буду её учить, — Рейнбоу посмотрела в глаза маленькой пегаске и добавила: — Слышишь, малявка? Я буду учить тебя летать.

В горящих глазах Скуталу отражалось всё.

Предвкушение будущих полётов. Отступивший прочь радужный кошмар из прошлого. И восторг, беспредельный восторг при виде Рейнбоу Дэш. Такой, как в воспоминаниях о счастливой жизни. Той самой названой сестры, что когда-то взяла рыжую пегасенку под крыло. И теперь обещает научить летать…

Вельвет, молча улыбаясь, активировала нейропрограмматор. По экрану побежали две строки, показывающие процент загрузки…

Рейнбоу Дэш обняла Скуталу крылом и сказала:

— Сейчас закончим, и мы потренируемся немного. Погода нелётная, поэтому сегодня — в спортзале. Согласна?

— Да… — пролепетала Скуталу, всё ещё не веря своему счастью, затем голос ее окреп, — Да, да, да!

Крылышки снова затрепетали, но теперь маленькое тело неожиданно приподнялось над столом, и только крыло Дэш не позволило взлететь и удариться о нависающую аппаратуру.

— Тихо, малявка, не громи наш лазарет, — улыбнулась Рейнбоу, и взъерошила сиреневую гриву, — Вельвет, как там?..

— Девяносто процентов… Девяносто пять… Готово!

Окутавшись сиянием магии, присоски и обруч отлепились от пегасенки. Вельвет посмотрела в глаза Дэш, и та убрала крыло.

— Скуталу, одевайся, — велела тем временем доктор, небрежным движением сгоняя пациентку со стола, и та принялась суетливо натягивать одежду, — и будь поосторожнее. Рейнбоу, проследи за этим, обязательно…

Договаривала она уже исчезающим в дверях хвостам: радужному и сиреневому.

Оставшийся в лазарете Джерри запрыгнул на стол и сказал, заглядывая в глаза Вельвет:

— Док, спасибо. Я не знал, что Скут может летать, и старался отвлекать её от этого. Мало ли, какие увечья успела нанести ей та, другая Рейнбоу… У мелкой же половины перьев не было, когда я её нашёл.

— Перья пегасов — это резонаторы антигравитационного поля, если подойти с научной точки зрения, — ответила Вельвет, — Но, к счастью, они отрастают. И даже сами выпадают и обновляются со временем.

— А как же драконы? — спросил мыш, — И вообще кожистые крылья?

Вельвет пожала плечами:

— Принципиальной разницы нет, много мелких резонаторов или пара больших. Грей Маус, к примеру, летает медленнее Дэш, но быстрее Флаттершай.

— Что ж, я рад, что обошлось, — сказал Джерри, но единорожка покачала головой:

— Меня больше беспокоили не крылья, а шрамы. На спине у пегасов куча нервных узлов и окончаний, и всё это завязано с антигравами и между собой. Было бы страшно долго лечить повреждения этого. К счастью, почти обошлось.

— Почти? — спросил мыш и пояснил: — Насколько почти? Мне для общего развития. Чем всё это вообще чревато?

Вельвет призадумалась, прежде чем ответить:

— Помимо осложнений с полётами?.. У пегасов, особенно кобылок, на спине и вокруг крыльев — масса чувствительных… особенно чувствительных мест. Смекаешь? У Скуталу могли возникнуть с этим проблемы. Позже, когда подрастёт и встретит особенного пони…

— Кажется, я понял, — кивнул мыш, — Проклятье, я даже представить не мог.

— Ну, ну. Не волнуйся. Теперь твоя дочка в надёжных копытах. Среди друзей. И под медицинским присмотром.

Мыш уже открыл было рот для возражений, но потом передумал и только улыбнулся.

Вельвет, улыбнувшись в ответ, вдруг подхватила мыша кинетическим полем и усадила на стол.

— Сядь-ка тоже. Займёмся и твоим чипом.

— Не волнуйся. Он у меня повреждён и, похоже, вообще не работает.

— Как так «повреждён»?

— Физически. Ножом. Так что…

Единорожка сделала резкий жест копытом, и в сиянии телекинетического поля вновь взлетел медицинский сканер.

— Тем больше причин взглянуть! — вскинулась она, — Там же выводы в спинной мозг! Да одному Дискорду известно, как ты после такого вообще жив остался… Посмотрим, что я смогу сделать.

http://tl.rulate.ru/book/82033/2552574